

Похвала книгамъ.

Послѣ краткаго очерка исторіи книги, перейдемъ къ воздаянію книгамъ хвалы, какой онѣ удостоились со стороны огромнаго числа любителей, въ числѣ которыхъ есть и великіе представители человѣчества. Не претендуя нимало на исчерпывающую полноту этихъ отзывовъ, приведемъ мнѣнія и мысли различныхъ писателей о книгахъ, придерживаясь хронологическаго порядка.

Одинъ изъ величайшихъ умовъ, жившихъ до начала нашей эры, *Маркъ Туллій Цицеронъ* (106—43 до Р. Х.) былъ страстнымъ любителемъ книгъ и чтенія. „Его страсть къ публичной, практической дѣятельности — говоритъ историкъ Гастонъ Буассье — смѣнялась страстью къ *уединенію и книгамъ*. Пріѣзжая изъ Рима въ одинъ изъ своихъ загородныхъ домовъ, онъ бѣжитъ къ своимъ книгамъ, стыдясь того, что покинулъ ихъ. Любовь къ одиночеству овладѣваетъ имъ до такой степени, что оно кажется ему все не довольно полнымъ... Въ эти минуты онъ чувствуетъ повидимому отвращеніе къ публичной жизни; онъ не хочетъ и

слышать о ней... Онъ ничего такъ не любилъ, какъ книги, а потому и не отказался отъ подарка, который сдѣлалъ ему его другъ, Папірій Петъ, (чье дѣло онъ защищалъ въ судѣ), и который состоялъ изъ прекрасныхъ греческихъ и латинскихъ книгъ. Судя по его огромной и разнообразной начитанности, слѣдуетъ думать, что у него была очень богатая библіотека, которую онъ постоянно пополнялъ при помощи своего друга и издателя Помпонія Аттика. Этотъ послѣдній, имѣвшій въ своемъ распоряженіи сотни хорошо выученныхъ рабовъ—переписчиковъ, издалъ многочисленныя письма (ихъ сохранилось свыше 800) и другія сочиненія Цицерона и выпустилъ ихъ въ продажу. Какъ относился Цицеронъ къ книгамъ и чтенію, можно видѣть изъ слѣдующаго: „У меня слишкомъ смущена душа — пишетъ онъ Аттику—я потерялъ молодого человѣка, по имени Созіеоя, бывшаго у меня *чтецомъ*, и я, кажется, болѣе огорченъ, чѣмъ бы слѣдовало огорчаться смертью невольника“. Изъ всей переписки Цицерона видно, что онъ былъ только однажды разсерженъ на одного раба, который укралъ у него *книги*, а этого преступленія Цицеронъ уже не прощалъ“. („Цицеронъ и его друзья“). „Домъ, въ которомъ нѣтъ книгъ—сказалъ Цицеронъ—подобенъ тѣлу, лишенному души“. Какъ было уже сказано, Цицеронъ, кромѣ библіотеки въ его римскомъ домѣ, имѣлъ еще богатую библіотеку въ своей загородной виллѣ—Тускулумѣ. Любя книги, Цицеронъ очень заботился о ихъ судьбѣ. Порча и искаженіе книгъ при ихъ перепискѣ очень печалили его. „Я не знаю, что и дѣлать — писалъ

онъ одному изъ своихъ друзей — съ латинскими книгами, до того онѣ выходятъ искаженными изъ рукъ переписчиковъ и книгопродавцевъ“ *).

Яркій примѣръ необычайнаго трудолюбія и страстной любви къ чтенію и книгамъ представляетъ собою римлянинъ *Гай Плиній Секундъ* (такъ наз. „Старшій“), жившій въ первомъ столѣтіи нашей эры (родился въ 23 г., умеръ въ 79 году, засыпанный пепломъ во время великаго изверженія Везувія, уничтожившаго города Геркуланъ и Помпей).

Плиній Старшій принадлежитъ къ ученѣйшимъ и плодовитѣйшимъ писателямъ древняго міра. То, что мы узнаемъ объ его ученыхъ занятіяхъ, по письму его племянника Гая Цецилія Плинія Младшаго (друга Тацита)—поразительно. Не было такого времени, которымъ бы онъ не пользовался для своихъ ученыхъ занятій, если къ тому была хоть какая-либо возможность. „За обѣдомъ, послѣ обѣда, въ банѣ, дорогой — вездѣ онъ былъ съ книгой и дѣлалъ выписки при помощи своего секретаря, считая потеряннымъ всякое время, не посвященное ученымъ или литературнымъ занятіямъ. Поэтому для него не только не было праздниковъ и отдыха, но онъ старался и въ обыкновенное время сокращать время сна до послѣдней степени. Для него не было книги, читая которую онъ не дѣлалъ бы выписокъ: по его мнѣнію, нѣтъ столь дурной книги, чтобы она не могла какою-

*) Ничто не ново подъ луной: жалобу Цицерона повторилъ въ наше время Тургеневъ по поводу безобразнаго изданія его сочиненій московскимъ книгопродавцемъ Салаевымъ.

либо стороною принести пользу. При чтеніи же книгъ, замѣтки дѣлались сколько возможно бѣгло, чтобы не терять времени для продолженія чтенія. Это была почти невѣроятная любовь къ книжному дѣлу „incredibile studium“, какъ выразился о ней его племянникъ“. (Коршъ и Кирпичниковъ. „Всеобщая исторія литературы“). Списокъ сочиненій Плинія Старшаго, сообщаемый его племянникомъ, состоитъ изъ 8 заглавій, но въ томъ числѣ были: „Исторія“, состоящая изъ 31 книги, „Естественная Исторія“ — изъ 37 книгъ и Выписки изъ прочитанныхъ сочиненій — изъ 160 книгъ мельчайшаго письма. Эти послѣднія покупалъ у него за 400.000 сестерцій (20.000 рублей) Ларгій Лициній, но онъ оставилъ ихъ своему племяннику. „Естественная Исторія“, обнимающая также и географію, медицину и исторію искусствъ, есть плодъ тщательнаго занятія Плинія. Она потребовала, по его словамъ, „прочтенія около 2000 сочиненій и заключаетъ въ себѣ до 20.000 заимствованныхъ изъ нихъ замѣтокъ (ibid).

Флавій Клавдій Юліанъ (331—363), племянникъ императора византійскаго Константина Великаго, на 24 году прибывшій въ Аѳины, чтобы слушать лекціи профессоровъ Аѳинскаго университета (одновременно со св. Василиемъ Великимъ (329—379) и Григоріемъ Богословомъ (328—389), полководецъ, ученый и писатель, а послѣдніе два года своей жизни — императоръ византійскій, — романтикъ на престолѣ Цезарей, по опредѣленію Давида Штрауса — былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ любителей книгъ. „Иной — говоритъ онъ — страшно любить лошадей, другой — птицъ, третій —

звѣрей, а я съ дѣтства просто влюбленъ въ книги“.

Данте Алигieri (1265—1321), величайшій Итальянскій поэтъ и мыслитель, отразившій въ своей безсмертной поэмѣ „Божественная Комедія“ все міросозерпаніе среднихъ вѣковъ, говоритъ въ своемъ философскомъ трактатѣ „Convivio“ (Пиръ), что чтеніе мудрыхъ книгъ, а именно „Consolatio Philosophiae“ (Утѣшеніе Философіи) Боэція и „De Amicitia“ (О дружбѣ) Цицерона, доставило ему утѣшеніе въ величайшей скорби, которую онъ испыталъ, вслѣдствіе смерти боготворимой имъ Беатриче, и возстановило спокойствіе въ его глубоко взволнованной душѣ. Разсказывая о своей скорби, Данте прибавляетъ: „Но все-таки черезъ нѣкоторое время мой духъ, который боролся, чтобы вернуть энергію, рѣшился (ибо ни мои собственныя утѣшенія, ни утѣшенія моихъ друзей не вели ни къ чему) прибѣгнуть къ средству, которое облегчало горе другимъ душамъ. Я началъ читать книгу, извѣстную немногимъ, сочиняя которую несчастный изгнанникъ Боэцій сумѣлъ утѣшить самого себя. А затѣмъ, узнавъ, что Цицеронъ написалъ книгу, въ которой, говоря о дружбѣ, онъ обращается со словами ободренія къ Лелію, послѣ смерти его друга Сципіона, я прочелъ и это сочиненіе. И какъ случается иногда человѣку, ищущему серебро, найти золото, которое открывается ему таинственнымъ образомъ—можетъ-быть не безъ помощи Божіей—такъ и я, искавшій утѣшеніе, нашелъ не только успокоеніе въ моихъ слезахъ, но также и поученіе“. (Convivio II. XIII).

Одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей эпохи „Возрожденія“ въ Италіи, родоначальникъ гуманизма *Франческо Петрарка* (1304—1374), перво-классный поэтъ и ученый, былъ страстнымъ любителемъ и собирателемъ книгъ.

Характерной чертой эпохи „Возрожденія“ была эмансипація личности, расцвѣтъ индивидуализма. Носители этого свойства, удовлетворяя свою жажду знаній, естественно стремились удалиться изъ людской толпы и вести уединенный образъ жизни, посвящая ее наукѣ и искусству, а слѣдовательно, чтенію и книгамъ. Петрарка, любившій больше всего личную свободу, отказывавшійся отъ всѣхъ предлагаемыхъ ему почетныхъ званій и назначеній, „предпочитая — какъ онъ писалъ однажды — блестящей неволѣ скромную свободу (*splendidae servituti libertatem humilem praetuli*)“ — тоже искалъ удовлетвореніе своей страсти къ книгамъ и чтенію въ уединенной жизни среди сельской природы. О своей любви къ одиночеству, своей страсти къ общенію съ великими умами, и своемъ отвращеніи къ людской толпѣ, онъ говоритъ: „Я всегда искалъ уединенной жизни — береговъ, пустынь, полей, лѣсовъ — чтобы убѣжать отъ этихъ извращенныхъ и подлыхъ умовъ, которые потеряли дорогу на небо“. Книги были для Петрарки такой необходимостью, что онъ не могъ жить безъ нихъ, какъ онъ однажды выразился въ письмѣ къ императору Карлу IV. „Онѣ имѣли въ его глазахъ — говоритъ Роб. Зайчикъ — совсѣмъ особенную, имъ только свойственную прелесть, все остальное, — золото, серебро, жемчугъ, пурпурныя одежды, мраморныя зданія, кар-

тины и другіе предметы, могли доставлять, по его мнѣнію, только преходящее удовольствіе, книги же могутъ привести насъ въ истинный восторгъ: онѣ говорятъ съ нами, какъ живыя, онѣ—наши лучшіе совѣтники, наши ближайшіе друзья“. Онъ былъ не только страстный читатель, но и собиратель книгъ и составилъ себѣ обширную бібліотеку. Для этого онъ входилъ въ сношенія со всѣми извѣстными ему бібліофилами. Онъ получалъ и покупалъ, не стѣсняясь затратами, рукописи изъ Италіи, Франціи, Испаніи, Англіи и Греціи и разыскивалъ ихъ во время своихъ многочисленныхъ путешествій. Если во время этихъ путешествій онъ замѣчалъ на своемъ пути гдѣ-нибудь въ сторонѣ монастырь, онъ сейчасъ же сворачивалъ съ дороги и заходилъ туда, въ надеждѣ найти тамъ какую-нибудь рѣдкую рукопись. Онъ часто самъ переписывалъ для себя рукописи, особенно драгоценныя, а также нанималъ для этого переписчиковъ; такъ, пріѣхавъ въ Люттихъ и найдя тамъ, къ великой своей радости, двѣ еще неизвѣстныя рѣчи Цицерона, онъ переписалъ одну изъ нихъ собственноручно, а другую далъ переписать своему знакомому. Чувствуя себя однажды нездоровымъ, онъ тѣмъ не менѣе заставилъ себя переписывать письма Цицерона и при этомъ пришелъ въ такой восторгъ отъ нихъ, что совершенно забылъ о своемъ нездоровьѣ. Разыскиваніе и пріобрѣтеніе книгъ сдѣлалось у него настоящей страстью, онъ не въ состояніи былъ преодолѣть ее и самъ назвалъ ее однажды „неизлѣчимой болѣзнью“. Его стараніямъ отыскать утерянные сочиненія Цицерона, а также его продолжателю—

гуманисту *Поджіо* (1380 — 1459), наука и литература обязаны большинствомъ того, что сохранилось отъ Цицерона. Особенно цѣнной была находка имъ въ 1345 году въ Веронѣ переписки Цицерона съ его другомъ Помпоніемъ Аттікомъ, братомъ Квинтомъ и Брутомъ.

Собраніе книгъ (рукописей) Петрарки заключало въ себѣ большинство извѣстныхъ въ то время римскихъ авторовъ, а также главнѣйшія произведенія отцовъ церкви на латинскомъ языкѣ. Ни греческаго языка, ни греческой литературы Петрарка не зналъ, однако это не помѣшало ему съ любовью собирать и греческія рукописи. Рукопись *Иліады* и *Одиссеи* онъ цѣнилъ такъ высоко, что при одномъ видѣ ея приходилъ въ восторгъ. Онъ старался также достать рукописи сочиненій Геродота и Эврипида и хлопоталъ о переводѣ произведеній Гомера на латинскій языкъ. Греческія рукописи нѣкоторыхъ сочиненій Платона тоже имѣлись въ его библіотекѣ. Любовь Петрарки къ этимъ непонятнымъ для него греческимъ рукописямъ была такъ велика, что онъ находилъ удовольствіе пересматривать ихъ, перекладывая ихъ съ мѣста на мѣсто, и даже иногда цѣловалъ ихъ. Въ юности онъ получилъ отъ своего друга и духовника Діониджи копію „Исповѣди“ блаж. Августина въ небольшомъ и удобномъ форматѣ и никогда до глубокой старости не разставался съ этой любимой имъ рукописной книгой, беря ее съ собой даже во время путешествій; передъ смертью онъ подарилъ эту дорогую ему книгу своему юному другу Луиджи Марсильи. „Исповѣдь“ блаж. Августина побудила

его основательно изучить сочиненія и другихъ отцовъ церкви, въ особенности произведенія блаж. Иеронима и св. Амвросія.

Книги свои Петрарка читалъ чрезвычайно внимательно, подчеркивалъ въ нихъ то, что казалось ему особенно важнымъ, дѣлалъ на поляхъ замѣчанія, а иногда и рисунки. Онъ имѣлъ привычку въ молодости читать самому себѣ вслухъ, чтобы яснѣе запечатлѣть въ своемъ умѣ и лучше усвоить прочитанное. Когда онъ читалъ книгу, особенно захватывавшую его, ему трудно было оторваться отъ нея, и онъ часто при этомъ забывалъ о пищѣ и снѣ. Чтеніе и письмо стали потребностью его натуры и онъ чувствовалъ себя нездоровымъ, когда прекращалъ эту работу. Чувствуя иногда, что пальцы его коченѣютъ и глаза устаютъ, онъ продолжалъ однако писать и читать, потому что ничего не боялся больше, какъ той минуты, когда придется разстаться съ этой любимой работой. Больше всего любилъ Петрарка общеніе съ выдающимися умами прошлыхъ столѣтій и увѣрялъ, что предпочитаетъ этихъ мертвыхъ писателей тѣмъ живымъ, „которые только потому считаютъ себя живыми, что видятъ свое собственное дыханіе въ холодномъ воздухѣ“. Свою страстную любовь къ книгамъ Петрарка не передалъ однако своему сыну Джіованни, который былъ, — что случается нерѣдко съ потомствомъ великихъ людей — почти прямою противоположностью отца: лѣнивый, небрежный, лишенный всякихъ высшихъ духовныхъ стремленій. „Онъ ничего такъ не боится и не ненавидитъ, какъ книги; онъ его единственные враги“ — жаловался однажды

Петрарка одному изъ своихъ друзей. За то у него былъ старый слуга, который, будучи совсѣмъ необразованнымъ человѣкомъ, питалъ однако, подобно своему господину, великое благоговѣніе къ рукописнымъ книгамъ: только смотрѣть на нихъ и трогать ихъ рукою уже составляло для него большое счастье. Въ отсутствіи Петрарки онъ берегъ его библіотеку, какъ святыню. У Петрарки было большое количество друзей, съ которыми онъ, живя въ уединеніи, поддерживалъ постоянную и обширную переписку, дѣлясь съ ними своими мыслями и чувствами. Общеніе его съ книгами тоже носило характеръ разговора съ ними, такъ-какъ онѣ какъ-бы принадлежали къ числу его ближайшихъ друзей. „Нельзя держать книги — говорилъ онъ — запертыми точно въ тюрьмѣ, онѣ должны непремѣнно переходить изъ библіотеки въ память“. (Роб. Зайчикъ. „Люци и искусство итальянскаго возрожденія“).

„У меня есть *друзья* — говоритъ Петрарка о книгахъ—общество которыхъ для меня въ высшей степени пріятно; онѣ принадлежатъ всѣмъ временамъ и всѣмъ странамъ... Доступъ къ нимъ самый легкій, потому что онѣ всегда готовы къ моимъ услугамъ; я пользуюсь ихъ обществомъ по своему усмотрѣнію. Онѣ никогда не надоедаютъ мнѣ и немедленно даютъ отвѣты на всѣ мои вопросы. Однѣ изъ нихъ рассказываютъ мнѣ о дѣлахъ давно минувшихъ лѣтъ, другія раскрываютъ передо мною тайны природы. Однѣ учатъ меня, какъ жить, другія — какъ умереть. Однѣ своею занимательностью разгоняютъ мои заботы и веселятъ мой духъ, другія закаляютъ мою душу,